

УДК 821.161.1 (092)

О. В. Поспелова

«ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВГЛУБЬ ПРИРОДЫ»: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ТОПОС ЛЕСА В ПЕРВЫХ СЕВЕРНЫХ ОЧЕРКАХ М. М. ПРИШВИНА

Очерковые произведения М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком» рассматриваются в рамках изучения Северного текста русской литературы. Образ северного леса, созданный писателем в этих произведениях, – емкий и сложный образ, обладающий особой мифопоэтической символикой. Художественное пространство леса в рассматриваемых произведениях совмещает в себе пространство реально-географическое и сказочно-мифологическое. Лесные пейзажи имеют глубинную мифопоэтическую основу, базирующуюся на важной для М. Пришвина идее единственности, нерасторжимой взаимосвязи и взаимообратимости человека и окружающего его природного мира. Взаимопревращения человека и природы создают перспективу мифологической панорамы. В анализируемых очерковых произведениях М. Пришвина обнаруживаются архетипические мотивы и мифологемы, способствующие созданию мифопоэтического топоса леса. Мифотворчество М. Пришвина – особый способ освоения и познания мира, интуитивно-стихийное приобщение к основам бытия.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, Северный текст, топос, образ леса, мифопоэтика, мифологический подход.

Природные образы художественного мира Михаила Пришвина всесторонне исследовались литературоведами. При этом смысловая насыщенность его пейзажей так велика, а их художественные функции столь многообразны, что их аналитическое осмысление еще далеко не полно.

В данной статье анализируется образ северного леса в очерковых произведениях писателя «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908), рассматривая эти произведения в русле мифологического подхода к творчеству Пришвина, разработанного в трудах Г. Д. Гачева, Н. Н. Иванова, Н. В. Борисовой и др. Натурфилософская проза М. Пришвина, по мнению Е. Ш. Галимовой, – «особая страница Северного текста»: «С одной стороны, продолжая аксаковско-тургеневскую традицию охотничьих рассказов, с другой, она своей поэтической природой, обращенной к сказке и мифу, сближается с лирикой и представляет собой воплощение индивидуального авторского мировоззрения» [1, с. 74].

Природа для Пришвина на протяжении всего творчества оставалась неиссякаемым источником мифологизации. Лес – емкий природный образ-символ, он актуализирует хронотопическую символику, рождающуюся из важного для автора представления об исходной бытийной целостности окружающего мира. В пришевском лесном пространстве можно выделить два взаимодействующих семантически амбивалентных топоса: природно-географический и сказочно-мифологический.

Философская проблема, скрытая в подтексте пришевских произведений, – гармония/дисгармония человека и природы, в более обобщенном варианте – исследование отношений между личностью, цивилизацией и бытием. В этой парадигме образ лесного пространства, относящийся к категории бы-

тия, противостоящий и цивилизации, и личности, приобретает различные смысловые условно-положительные или условно-отрицательные коннотации в зависимости от того, гармонизированы или нет отношения между бытием и цивилизацией и/или личностью. Так, условно-отрицательные коннотации образа леса могут быть обозначены как «мрачный», «глухой», «чужой», сюда же можно отнести многочисленные сравнения леса со стеной, встречающиеся в пришевском тексте, которые актуализируют значение закрытого пространства. Как видим, негативных значений образа леса очень немного, что вполне соотносится с авторской философской позицией: природа у Пришвина никогда не мыслится как что-то, находящееся вне человека, автора интересует проблема единственности человека и окружающего его мира, а не проблема их противостояния. Условно-положительные смыслы связаны с представлением о лесе как о первобытном, неосвоенном пространстве – «крае непуганых птиц», огромном богатстве, а также проявлении красоты, сюда же отнесем значение: лес – укрытие для невинно гонимых. Образ пространства леса в пришевском тексте, конечно, гораздо богаче за счет мифопоэтической составляющей, представленной различными преданиями и легендами, кроме того, пространство леса у Пришвина всегда живое: ему доступно восприятие того, как пульсирует невидимая, но присутствующая даже в камнях жизнь, поэтому нет ничего удивительного в том, что в его лесу ели и сосны у подножия холмов «сговариваются бежать» куда-то [2, с. 118], а болота просыпаются в ожидании песни.

В очерке «В краю непуганых птиц» повествование ведется от лица этнографа-путешественника, однако научных описаний леса нет совсем, описания природы выдержаны в реально-мифологическом ключе: лес всегда наполнен внутренней

жизнью, он дан в изменчивости, движении, перепадах, потому как Пришвина неизменно интересуется любое проявление общего потока жизни, ее постоянного движения и развития. Поэтому лесное пространство, в котором оказывается пришвинский автобиографический герой, это не просто фон, на котором происходят события, а активный участник описываемых событий: «На встречу нам лес посылает мелкие елочки, потом покрупнее, потом высокие сосны обступают со всех сторон... Черные стволы сосен становятся вокруг нас, чуть перешептываются вершинами, по-своему рады гостям» [2, с. 1].

Образ леса в пришвинских произведениях тесно связан с архетипическим мотивом пути-дороги, мотивом странствий, который моделирует пространственно-временную организацию художественного мира рассматриваемых произведений. В самом начале странствий в очерке «За волшебным колобком» путешественник оказывается «у большого камня на высоком берегу Двинской дельты» [2, с. 78]. Образ камня вызывает в памяти тот былинный камень, у которого русские богатыри останавливались в раздумье перед тем, как выбрать свой путь. Так камень вместе с веселым колобком, за которым следует пришвинский странник, сигнализируют о внутреннем мифопоэтическом плане повествования. Автобиографический герой ощущает себя «лесным бродягой», лес манит его, поэтому он решает отправиться от камня по берегу Белого моря, «по лесным тропинкам, протоптанным странниками» [2, с. 79]. Именно тропинка, а не дорога, становится смыслообразующим пространственным ориентиром. Тропинка символизирует ту едва уловимую связь между людьми в этом бескрайнем лесном пространстве, обособленность людей, труднодоступность поселений, когда даже священник может добраться до своих прихожан только пешком, по малопроезжим лесам и болотам, а полесники (охотники), живущие в лесу, с остальным миром связаны лишь едва заметными лесными тропинками. Таким образом, архетипический мотив странствий в пришвинских произведениях играет сюжетобразующую роль, он структурирует художественное пространство, также в некоторой степени этот мотив связан с мотивом испытания. Заметим, однако, что у Пришвина мотив испытания в гораздо большей степени проявляется в связи с образом моря. А вот с образом леса связана интересная трансформация этого мотива: он преобразуется в мотив, который мы условно назовем мотивом общей судьбы природы и человека, т. е. природа, лес, деревья, животные и человек находятся в одинаково сложных условиях существования. Север – место постоянной борьбы и страданий, человеку нужно трудить-

ся не покладая рук весь год в непростых климатических условиях, чтобы обеспечить себе выживание, стойко переносить морозы, сильные ветра, так и деревья на берегу моря настолько изуродованы ветром, что на них «страшно и больно смотреть» [2, с. 80], деревьям приходится тоже непросто в суровом северном климате. Символичен эпизод: автобиографический герой идет по берегу моря и видит на песке вынесенные волнами дерево и шапку – одна участь у человека и живой природы, одинаково тяжки для них испытания, которые нередко оборачиваются гибелью. Это еще одно основание для сближения человека и природы: «...северные люди скупы на слова. И не только люди, но и все, вся природа» [2, с. 91].

Основной мотив, организующий художественное пространство пришвинского текста, в корне своем глубоко мифологический – мотив метаморфоз, иллюстрирующий постоянно присутствующую взаимообратимость и взаимосвязь всего со всем, космическую цельность бытия – природного живого и неживого мира и человека. «Мальчик поглядывает по сторонам, он боится: какие-то подозрительные огромные мохнатые существа выделяются из деревьев, словно медведи со всех сторон выходят из леса и поднимаются на задние лапы. Но это мальчику только так кажется. Отец его – опытный полесник, знает, что медведь зря не станет на задние лапы. Это не медведи, а громадные корокоры, то есть корни поваленных ветром деревьев...» [2, с. 46]. Представленный отрывок пришвинского произведения очень показателен: здесь сталкиваются два видения одного и того же: наивное детское видение (а мифологическое видение мира, как известно, во многом напоминает именно детское) – то, что «кажется», и видение, подкрепленное знанием – аналитическое. Подобные пейзажные метаморфозы происходят в пришвинском тексте постоянно, автор создает такой художественный мир, в котором нет ничего удивительного в том, что лесная изба вдруг обернется избушкой Ягинишны, а в шуме ветра послышится, что «шумит вся нечистая сила» [2, с. 46], или в том, что берег, покрытый камнями и деревьями, увидится «хребтом какого-то северного зверя» [2, с. 80].

Еще один показательный пример: вот перед взором путешественника предстает вдалеке какой-то морской зверь, через секунду он превращается в серый большой камень и, наконец, оборачивается человеком, идущим навстречу. Живая и неживая природа и человек становятся как будто взаимобратимыми. Подобные метаморфозы возможны благодаря тому, что в основе художественного видения Пришвина лежит представление о внутренней однородности человека и мира, их родственности, и подобные взаимопревращения, описание

которых автор вводит словом «кажется» или «почудилось», лишь приоткрывают для читателя связь между явленным и тайным, сокрытым от трезвого аналитического отношения к миру. Эта идея всеединства, одна из лейтмотивных у Пришвина, идея, разработанная философией (достаточно вспомнить философию В. С. Соловьева), в основе своей глубоко мифологична, ведь представление о родстве всего сущего генетически восходит к мифологическому сознанию. Перевоплощения лишь зрительно подчеркивают мысль о стирании всех границ между различными проявлениями жизни. Пришвин в своем дневнике писал: «Я – частица мирового космоса... Эту частицу, которая слита со всеми другими существами, я изучаю» [3, с. 325]. Это представление о родственности всего в космосе, о том, что каждое проявление общего потока жизни есть реализация части общего целого – философская основа, контекстный фундамент пришвинского художественного мира.

Одна из устойчивых характеристик пришвинского леса – его первобытность, вскрывающая множество различных значений: дистанцированность от цивилизации, неосвоенность пространства человеком, сохранение природных богатств в первозданном виде и возможность прикоснуться к этому. На первых страницах очерка «В стране непуганых птиц» Пришвин так охарактеризует северный край: «Дебри, где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесовую и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, – словом, живут почти что первобытной жизнью» [2, с. 2]. А Лапландию, куда он отправится чуть позже, автор назовет «страной волшебников и чародеев», где сохранились «первобытные лесные места» [2, с. 78]. Постоянно присутствующее упоминание о первобытности природы неизменно находится в диалоге с мифом о потерянном рае или о золотом веке. Для Пришвина первобытность – качество положительное, потому для первобытного мифического сознания и осознания себя в мире еще не свойственно чувство разделенности, не-родственности, чуждости.

Пришвин писал: «Это „я“ мое – часть великого мирового „я“» [4, с. 86]. Такая философская идея отражается и в подходе к проблеме взаимоотношений человека и зверя. В очерке «За волшебным колобком» герой-путешественник подмечает: «...увлечешься охотой и станешь одним из тех лесных существ, которые живут под каждым деревом» [2, с. 115], а всего через несколько страниц читаем: «...тут и происходит наконец то таинственное переселение меня за тысячелетия назад... это переселение вглубь природы... я – зверь, у меня все приемы зверя...» [2, с. 118]. Вопрос внутренней сущности че-

ловека глубоко интересует писателя, в каждом человеке есть звериная составляющая, роднящая его с миром природы. Другая грань темы человек-зверь – взаимоотношения северян с реальными дикими животными, ведь в первобытных лесах Севера обитает множество опасных для человека зверей, в лесной чаще можно «каждую минуту встретить медведя, дикого оленя, россомаху» [2, с. 132], однако в пришвинском тексте не раз звучит мысль о том, что Господь покорил животных человеку. Эту мысль автор вкладывает в уста встречающихся в его путешествии по Северу героев-охотников. Еще одно интересное наблюдение, касающееся темы взаимоотношения человека и животного: при описании северных людей нередки сравнения их с животными: беломорскими тюленями, морскими зверями, однако про тех же тюленей автор пишет, что они похожи на человека и внешне, и образом жизни, и поведением.

Итак, образ леса в ранних очерковых произведениях Пришвина – образ семантически емкий и сложный, совмещающий в себе традиционно-мифологические и индивидуально-авторские смыслы. Сквозь реальное природно-географическое пространство севера России, заполненное обширными, малопроезжими, неизведанными лесами, в которых обитают непуганые птицы, пролегает путь пришвинского автобиографического героя, «путь» становится сквозной в художественной системе писателя мифологемой, смыслообразующим мотивом. В метафизическом измерении созданный писателем смыслообразующий образ леса призван в очередной раз выявить лейтмотивную для автора мысль о нерасторжимой связи человека со всем бытием, о единственности человека и природы, онтологической целостности окружающего мира. Природные метаморфозы, взаимопревращения человека и природы создают перспективу мифологической панорамы. По мнению Н. В. Борисовой, «природа у Пришвина – своеобразная философско-мифологическая интенция автора» [4, с. 101].

Суровая природа и «труд непрерывный, тяжелый, круглый год без отдыха» [2, с. 28] закалили северного человека, и Север, сбереженный, укрытый от всего цивилизованного мира труднопроходимыми лесами без дорог, стал своего рода хранилищем не только былин, преданий и других проявлений истинного народного духа, но и первозданной красоты природы. Лесные пейзажи Пришвина нарисованы на фоне глубинной мифопоэтической основы, его природный мир наполнен стихией чудесного, лес живет сложной внутренней жизнью, постигнуть которую можно лишь интуитивно-стихийным проникновением, рационально-аналитическое познание не даст такой сложной картины со множеством подтекстовых смыслов.

Список литературы

1. Галимова Е. Ш. «Великие леса, осененные великими легендами» (Локус леса в художественной картине мира Северного текста русской литературы) // Северный текст русской литературы. Северный текст как локальный свертхтекст. 2013. Вып. 3 С. 64–81.
2. Пришвин М. М. За волшебным колобком: повести. М.: Моск. рабочий, 1984 // Scan. OCR. Spellcheck А. Бахарев.
3. Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 8.
4. Борисова Н. В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: учебно-метод. пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. 227 с.

Поспелова О. В., аспирант.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.

Наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002.

E-mail: kary17@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.01.2016.

O. V. Pospelova

THE RELOCATION INTO THE DEPTHS OF NATURE: MYTHOPOETIC TOPOS OF THE FOREST IN THE FIRST NORTHERN ESSAYS BY M. M. PRISHVIN

Essay works of M. M. Prishvin “In the land of never frightened birds” and “Magic bun” are considered within the framework study of the Northern text of Russian literature. The image of the Northern forest, created by the writer in these works, is capacious and complex, with mythopoetic symbolism. The art space of the forest in the works combines the real space-geographical and mythological spaces. Forest landscapes have deep mythopoetic framework, based on important Prishvin’s idea the one, indissoluble relationship and mutual reversibility between man and natural world surrounding him. The interconversion of man and nature creates perspective of a mythological panorama. In the analyzed description of the works of Mikhail Prishvin are found archetypal motives and mythologems that contribute to the mythopoetic creation of the topos of the forest. The mythmaking by M. Prishvin is a special way of mastering and cognition of the world, intuitive- natural communion with the basis of existence.

Key words: *M. M. Prishvin, Northern text, topos, image of forest, mythopoetics, mythical approach.*

References

1. Galimova E. Sh. “Velikiye lesa, osenennye velikimi legendami” (Locus lesa v khydozhestvennoy kartine mira Severnogo teksta rysskoy literatyry) [“The Great forest that was overshadowed by the great legends” (the Locus of the woods in artistic picture of the world of the Northern text of Russian literature)]. *Severnnyy tekst russkoy literatyry. Severnnyy tekst kak lokal’nyy sverkhstekst* [Northern text of Russian literature. Northern text as a local supertext]. 2013, vol. 3, 64–81 p. (in Russian).
2. Prishvin M. M. *Za volshebnum kolobkom: povesti* [After the magic kolobok: stories.] Moscow, Mosk. rabochiy Publ., 1984. Scan. OCR. Spellcheck A. Bakharev (in Russian).
3. Prishvin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Prishvin M. M. Collected works: In 8 vols.] Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, v. 8.
4. Borisova N. V. *Myfopoetika vseedinstva v filosofskoy proze M. Prishvina. Uchebno-metodicheskoye posobiye* [Mythopoetics of unity in philosophical prose of M. Prishvin: teaching guide]. Elets, EGU im. I. A. Bunina, 2004, 227 p. (in Russian).

Pospelova O. V.

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

Nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia, 163002.

E-mail: kary17@yandex.ru